

---

# ПОЛИС

**3'2009**

**П о л и т и ч е с к и е  
И с с л е д о в а н и я**

---

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 3 (111) 2009

**Читайте  
в следующем  
номере:**

Великие державы  
и дилеммы безопасности

Чего опасаются  
и боятся россияне

Европейская идентичность:  
желаемое и реальное

Китай готовится  
к применению “мягкой силы”

**POLIS**  
[www.politstudies.ru](http://www.politstudies.ru)

**Political Studies**

---

---

|   |  |
|---|--|
| <b>Учредители:</b>                              | НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО “РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА “ПОЛИС” (“ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”)”,<br>ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН,<br>ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ<br>“РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ”  |
| <b>Международный<br/>Консультативный совет:</b> | И.К. ПАНТИН, А. БРАУН, Б. ВИТТРОК, Г.Г. ВОДОЛАЗОВ,<br>А.А. ГАЛКИН, М.К. ГОРШКОВ, В.А. ГУТОРОВ, Б.Г. КАПУСТИН,<br>И.М. КЛЯМКИН, Т. КОЛТОН, В.С. ЛАРСЕН, М. МЕНДРАС,<br>В.В. МИРОНОВ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, А.И. НИКИТИН, Х. ОЛКЕР,<br>Р. САКВА, Н. СИМОТОМАИ, А. СТЕПАН, А.де ТЕНГИ,<br>Л.А. ФАДЕЕВА, А.Ф. ФИЛИППОВ, Ф. ШМИТТЕР  |
| <b>Редакционная коллегия:</b>                   | Т.А. АЛЕКСЕЕВА, В.Я. ГЕЛЬМАН, А.А. ДЕГТЯРЕВ,<br>Н.В. ЗАГЛАДИН, О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ,<br>А.С. КУЗЬМИН, В.В. ЛАПКИН, М.М. ЛЕБЕДЕВА,<br>О.Ю. МАЛИНОВА, Б.В. МЕЖУЕВ, А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ,<br>И.К. ПАНТИН, В.Б. ПАСТУХОВ, С.В. ПАТРУШЕВ,<br>В.В. ПЕТУХОВ, Ю.С. ПИВОВАРОВ, Я.А. ПЛЯЙС,<br>В.М. СЕРГЕЕВ, И.С. СЕМЕНЕНКО, Л.В. СМОРГУНОВ,<br>А.И. СОЛОВЬЕВ, И.А. ХАЛИЙ, С.В. ЧУГРОВ, Е.Б. ШЕСТОПАЛ |
| <b>Политический директор:</b>                   | И.К. ПАНТИН  |
| <b>Главный редактор:</b>                        | С.В. ЧУГРОВ  |
| <b>Редакция:</b>                                | Л.Н. КУЗНЕЦОВА, Е.И. КУЧЕВСКАЯ,<br>В.В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора), Б.В. МЕЖУЕВ,<br>Е.В. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь), А.Л. СИДОРОВ  |
| <b>Компьютерная верстка:</b>                    | А.В. АЛЕКСАНДРОВ   |

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© “Полис” (“Политические исследования”), 2009

---

# ПОЛИС

3 2009

- 7 Представляем номер**
- 9 Круглый стол**  
“Господин Кризис, как Вас теперь называть?”
- 34 Н.С. Розов**  
Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики
- 47 В.М. Сергеев**  
О глубинных корнях современного финансового кризиса
- 54 И.А. Чихарев**  
Масштабы и ритмы демократизации
- 65 В.А. Светлов**  
Грузино-Югоосетинский конфликт.  
Размышления конфликтолога
- 74 А.А. Акаев**  
“Математическая модель должна быть хорошим подспорьем для политиков...”
- 84 Г.И. Мусихин**  
Модели современного капитализма в новой политэкономии: между наукой и идеологией
- 98 А.Мельвиль, М.Ильин, Е.Мелешкина, М.Миرونюк, В.Сергеев, И.Тимофеев**  
Политический атлас — 2: мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития
- 105 А.С. Ахременко**  
Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности
- 113 Е.В. Безвизонная**  
Системно-синергетическая модель политической системы
- 125 Д.А. Мисюров**  
Символическое моделирование в России: трансформации “имперско-советско-президентской” модели
- 136 И.Ю. Окунев**  
Стэнфордская модель кризиса развития
- 145 С.П. Перегудов**  
Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. *Часть II*
- 162 П. Ратленд**  
Россия и Китай:  
сага о двух переходах к рыночной экономике
- 177 Н.В. Загладин, А.А. Кучеренко**  
Глобальный кризис: причины, последствия и Россия (возвращаясь к прочитанному)
- 184 С.В. Патрушев**  
Устроение современного мира.  
Что мы узнали и что хотели бы узнать в эпоху кризиса
- 190** Содержание и аннотации на английском языке

**ТЕМА НОМЕРА:  
КРИЗИСЫ  
И МЕГАТРЕНДЫ  
РАЗВИТИЯ**

**ИНТЕРВЬЮ**

**СУБДИСЦИПЛИНА:  
МОДЕЛИРОВАНИЕ  
ПОЛИТИЧЕСКИХ  
ПРОЦЕССОВ  
И СИСТЕМ**

**3**

**ИДЕИ НА ВЫРОСТ**

**ТЕЗАУРУС**

**МЫ В МИРЕ,  
МИР В НАС**

**РАЗМЫШЛЯЯ НАД  
ПРОЧИТАННЫМ**

# МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В НОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ

Г.И. Мусихин

**Ключевые слова:** новая политэкономия, модели капитализма, неоинституционализм, неоклассическая экономическая теория, неолиберализм, дуалистические и недуалистические модели, либеральная рыночная экономика, координируемая рыночная экономика, идеологическая тенденциозность.

Развитие процессов глобализации с одной стороны и углубление политико-экономических противоречий между различными субъектами глоболизирующегося мира – с другой, делают особо актуальными попытки типологизации современных форм хозяйственной жизни, формирующихся под воздействием определенных политических решений. Каким бы унифицирующим ни было воздействие глобализации, очевидно, что ответы на это воздействие могут быть в значительной степени различными, порождая реальное многообразие современного мира. А это неизбежно влечет за собой попытки определения степени эффективности и успешности того или иного способа адаптации к его реалиям. Однако в этой связи возникает вопрос о том, чего больше в подобных исследованиях – *непредвзятого научного анализа или оценочной идеологической тенденциозности*? Или оба эти элемента неизбежно будут присутствовать при выстраивании различных моделей современного капитализма? Для ответа на эти вопросы нужно посмотреть на современные тенденции подобного моделирования.

В сфере политической и экономической теории давно признано, что капиталистическая экономика может иметь разные формы. Чаще всего имеет место представление об эволюционной смене форм капитализма. Одним из наиболее авторитетных в этом смысле является идеально-типический подход Макса Вебера, ставший отправной точкой для развития теории модернизации. Такой эволюционный подход с добавлением принципа историзма привел к тому, что изменение форм капитализма стало чаще всего рассматриваться как единый закономерный процесс, в котором доминируют общие тенденции, ведущие к тому, что какая-то форма капиталистической экономики на том или ином этапе исторического развития доминирует над другими формами, трактуемыми как маргинальные отклонения от “генеральной линии”.

Представления о капитализме, не испытывающие всеобъемлющего влияния историзма, имели место, но обладали (и обладают) гораздо меньшим влиянием, чем эволюционные и историцистские трактовки [см. напр. Shonfield 1964]. Ситуация несколько изменилась, когда к экономическим вопросам вновь обратились представители политической науки и социологии, которые были более склонны к построению теоретических моделей, нежели “чистые” аналитики-экономисты. Это произошло в 1980-е годы на волне критики “бихевиористской рево-

люции” и возрождения институционализма, призвавшего “вернуть государство обратно” [Bringing... 1985]. Это привело к повышенному интересу политологов к национальным политико-экономическим системам и к попыткам обозначить различные национальные разновидности капитализма. Данная тенденция была особенно заметна в исследованиях, посвященных рассмотрению специфических черт экономики южных стран Европы (в частности Италии и Испании). Однако все это демонстрировало, что анализ политико-экономической специфики продолжал сохранять экономическую привязку, основной задачей (и заслугой) которой была фиксация эконометрических показателей, что затрудняло теоретическую концептуализацию различных моделей капитализма.

Тем не менее, несомненной научной заслугой неoinституционализма стала обоснованная критика “глоблизаторского оптимизма” неолибералов, предсказывавших неизбежную унификацию мировой глобальной экономики. Неoinституционализм на основании разнообразных теоретических и эмпирических аргументов доказывал, что подобный прогноз является недопустимым упрощением реальной политико-экономической ситуации. Однако сторонники неoinституционализма зачастую поддавались “соблазну” рассматривать различные национальные варианты капитализма как нерасчленимо целые. Хотя именно деконструкция данных целостностей может позволить выделить различные элементы, комбинация которых поможет выйти за рамки сутобо национальной специфики современной экономики.

Подобное изменение угла зрения могло бы стать тем средством, которое позволило бы отойти от выстраивания единичных теоретических типов национальных экономик, дать возможность увидеть эмпирическое многообразие форм экономической жизни, которые в разной комбинации и в различной пропорции проявляются в том или ином регионе или в то или иное время.

85

#### **АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКУШЕНИЯ ТИПОЛОГИЗАЦИИ**

Наиболее простой и логичный способ типологизации — это выделение двух антагонистических категорий. Не является в этом отношении исключением и типологизация моделей капитализма. При этом для всех исследователей подобных моделей один полюс остается неизменным — это модель свободного рынка неоклассической экономической теории, которая выступает принципиальным антагонистом неoinституционализма, хотя последний и пытается представить неоклассическое видение экономики только как специфическую (а не всеобщую) форму капитализма [см. Contemporary Capitalism... 1997: 55-93]. На противоположном полюсе нет четкого единства. Можно насчитать пять или шесть моделей, которые трактуются как отличные от “чистой” рыночной экономики. При этом все эти модели испытывают очевидную недостаточность эмпирического материала, так как в мире существует только около 25 стран с высокоразвитой формой капитализма.

Одной из наиболее показательных в этом отношении является работа Михеля Альберта. Он выделяет два антагонистических типа капитализма, используя для этого географические и культурные критерии. Один тип он обозначает как Англо-саксонский, а другой как Рейнский [Albert 1991]. При этом модель свободного рынка у него совпадает с англоговорящими странами. Вторая модель охватывает страны рейнского бассейна: Германию, Нидерланды, Швейцарию и с определенными оговорками Францию. Также к данному типу причисляются Япония

и страны Скандинавии. Основным признаком данной модели капитализма провозглашается политико-экономическая способность выработки долговременных решений, которые максимизируют достижение коллективных, а не индивидуальных целей. Хотя при этом совершенно не учитывается то, какими разнообразными (а иногда даже несовместимыми) могут быть сами формы коллективизма.

Здесь важно отметить, что данный дуализм в идентификации типов капиталистической экономики накладывается на *политико-философскую дискуссию между неолиберализмом и социал-демократией*. Данные идеологические дебаты составляют *основной каркас ценностной политической полемики, оказывая очевидное “антинаучное” влияние на политико-экономический анализ* [см. Campbell, Pedersen 2001: 249–282; Coates 2000].

Одно из магистральных направлений этой “научно-идеологической” дискуссии – *спор о том, какой вариант капитализма способствует достижению наибольшего успеха*. Дэвид Коэтс в своем исследовании показал, насколько сложно дать однозначный ответ на данный вопрос [Coates 2000]. Он разработал коэффициенты показателей экономического роста, чтобы осуществить сравнительный анализ национальных экономик как частных случаев эволюции мировой капиталистической системы. Он пытался доказать ошибочность институционального подхода, “выхватывавшего” отдельные временные промежутки в развитии экономики для того, чтобы продемонстрировать преимущество той или иной национальной модели хозяйства, не базирующейся на “чистом” рынке. Со временем данные модели обнаруживали тенденцию к потере эффективности. Однако контраргумент сторонников институциональной экономики состоял в том, что данная модель капитализма способствовала одновременному достижению и достаточно высокого уровня экономической эффективности, и важных социальных целей (например, перераспределение доходов), что часто представлялось недостижимым в рамках чистой рыночной экономики.

Необходимо напомнить, что неоклассический анализ предполагает наличие идеального рынка. Это как правило требует нормативного предположения, что и экономика, и общество привержены данному институциональному принципу. Но при этом сами сторонники неоклассицизма не считают нужным в своих конкретных исследованиях строго следовать модели идеального рынка. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что *сама модель идеального рынка является скорее неолиберальной идеологической конструкцией, чем формой экономического анализа*.

Но на практике подобная идеологизированность выходит за рамки неолиберализма и достаточно часто встречается в собственно научных исследованиях. Данный казус вызван тем, что господство неолиберализма тесно связано с экономическими успехами Соединенных Штатов Америки, поэтому некоторые аналитики всерьез полагают, что какие-то элементы неоклассической модели составляют фундамент неолиберальной парадигмы только потому, что распространены в США. При этом неолиберализм как политико-экономическая теория провозглашается верным на основании эмпирических примеров, которые являются частичными и не могут быть фундаментом универсальной теории. Кроме того, в США существуют эмпирические примеры, которые сложно вписать в неоклассическую экономическую модель. Например, мощный военно-промышленный комплекс. Он представлен ограниченным числом крупных

---

закрытых корпораций связанных между собой системой нерыночных договоренностей, а также ориентированных на получение прибыли от государства на основе не совсем рыночного механизма. Однако при этом данные предприятия оказывают существенное влияние на внедрение новых технологий в экономику США, что воздействует уже на собственно рыночный механизм. То есть деятельность этого сектора американской экономики не имеет ничего общего ни с неоклассической экономикой, ни с неолиберальной политикой. Большинство исследователей в рамках неоклассицизма отреагировали на этот факт двумя способами. Некоторые вообще игнорируют существование данного сектора и приносимые им в экономику США особенности. Так Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считает, что можно описывать США как страну, свободную от серьезной государственной поддержки в отношении промышленной индустрии [Organisation... 1994]. Другие утверждают, что оборонный сектор экономики США, так или иначе, является частью “либеральной модели”, не обращая внимания на проблематичность подобного допущения [Amable 2000: 645-687].

Кроме того, можно достаточно обоснованно утверждать, что на уровне политической практики и идеологической доктрины неолиберализм не является целостной системой ни в точки зрения аргументации его сторонников, ни с точки зрения критики его противников [Campbell, Pedersen 2001]. Например, неолиберализм в Дании показался бы американским неолибералам опасной социалистической химерой [Kjær, Pedersen 2001: 219-248]. Более того, существуют исследования, демонстрирующие значительные различия между неолиберализмом в США и Великобритании, хотя именно эти две страны рассматривают как свидетельство единой неолиберальной парадигмы [King, Wood 1999: 371-397].

87

Если обратиться к обобщающим работам в рамках экономического неолиберализма, то “Варианты капитализма” под редакцией Питера Хэлла и Дэвида Суистака можно признать одной из самых амбициозных и значительных попыток обоснования дуалистического подхода [Varieties of Capitalism... 2001]. В ней не только предпринимается попытка исследования всех развитых капиталистических экономик мира и отнесения их к одному или другому типу капитализма. Посредством сравнительного анализа делается прогноз по поводу того, в каком направлении будет развиваться индустрия той или иной страны [Hall, Soskice 2001: 36-44]. Это делается на основании предположения, что *новации в экономике и технологическом развитии можно разделить на радикальные и поэтапные*, и через это разделение определить, какой тип производства товаров и услуг будет соответствовать радикальной и поэтапной инновациям соответственно. Использование данного фактора развития в сочетании с огромным массивом данных отраслевого анализа делает подобный подход крайне привлекательным.

Несмотря на неопределенность относительно возможного существования третьей модели, авторы полностью сосредотачиваются на дуалистическом исследовании. Одну модель капитализма они обозначили как *либеральную рыночную экономику* (ЛРЭ) идентифицируя ее с политическим неолиберализмом, радикальными инновациями и новыми секторами экономики. В эту группу попали англофонные страны (Австралия, Канада, Ирландия, Новая Зеландия, Великобритания и, конечно же, США). Германия была обозначена в качестве центра второй модели, названной *координируемой рыночной экономикой* (КРЭ). В данной модели соци-

альные и политические институты непосредственно участвуют в формировании хозяйственной деятельности. В этом случае имеют место социал-демократическая политика, поэтапные инновации, традиционные сектора высокоразвитой индустриальной экономики. Сюда попали развитые неанглофонные страны.

В качестве интересного эмпирического материала для подтверждения гипотезы о различном типе инноваций были использованы патентные ссылки. В англофонных странах ссылки в основном идут на научные источники, а в Европе и Японии на предыдущие патенты и ненаучные источники. Однако при этом совершенно не был учтен факт, что подавляющее число научных периодических изданий издаются на английском языке, и совершенно логично предположить, что в англоязычных странах при составлении патентов такая литература цитируется чаще. Кроме того, нужно учитывать, что в прецедентной системе права патентирование инноваций всегда было более развито, чем кодифицированной системе. А значит, высокий уровень патентирования как правовой навык еще не есть показатель высокого уровня инноваций. Если же между этими двумя переменными проводить прямую корреляцию, тогда можно прийти к выводу, что инновационный потенциал в Новой Зеландии выше, чем в Германии, Швеции и Швейцарии [Estevez-Abe, Iversen, Soskice 2001: 175].

Еще одним аргументом в пользу большей инновационности либеральной рыночной экономики стал анализ трудовых отношений. Этот тип экономики зависит от рынка труда в установлении заработной платы на основе чистой конкуренции, которая ограничивает возможности по созданию гарантий безопасного ведения бизнеса. Кроме того, данный тип экономики сильно ориентирован на фондовый рынок и максимизацию прибыли акционеров. Такой характер экономики предполагает серьезные препятствия для мелких адаптивных нововведений, на которые работодатели тратят неадекватно мало инвестиций. С другой стороны, такая экономика более склонна к освоению радикальных инноваций, так как свободный рынок труда и деятельность акционеров позволяет сравнительно легко переключать ресурсы на новые виды деятельности.

КРЭ тип ориентирован на корпоративные принципы установления заработной платы, серьезное регулирование рынка труда и корпоративное финансирование в рамках долгосрочных банковских обязательств. Все это предполагает прямо противоположную логику инвестирования инноваций.

Хэлл и Суистак подчеркивают, что они рассматривают две устойчивые формы капитализма, каждая из которых имеет свои сравнительные преимущества. Однако при этом КРЭ тип трактуется как тяготеющий к традиционным отраслям со снижающейся адаптивной способностью к изменениям, а ЛРЭ — как ориентированный на новые сферы производства товаров и услуг. Это имплицитно предполагает, что в конце концов неонституционализм полностью примет логику неоклассицизма, и *в долгосрочной перспективе только чисто рыночные институты смогут справиться с вызовами будущего.*

Но эта логика приводит к парадоксальному выводу. Ведь если данные типы экономики стали результатом длительного исторического развития соответствующих тенденций, то это означает, что Германия, например, никогда не была склонна к новаторству в прошлом. При этом остаются загадкой многие ее достижения в химической индустрии, машиностроении, металлообработке, ведь все эти отрасли в свое время были в авангарде технического прогресса. Иными словами, мож-



но констатировать, что *вышеозначенная типология статична* и фиксирует состояние в определенный момент времени, не предполагая изменения и развития критериев анализа. Иначе говоря, данная типология не предполагает эволюции, игнорируя воздействие изменений на мировую экономику. Поэтому *прогноз об окончательной победе рыночного механизма над всеми остальными выглядит как политическая прокламация настоящего, но не как правдоподобный сценарий будущего.*

Можно сказать, что научная литература экономического неоклассицизма подвержена двум тенденциям: это либо пространственный подход (который мы проиллюстрировали выше), либо временной (выделение исторических этапов с точки зрения способности политических и экономических акторов к осуществлению преобразований, но игнорирование разнообразия и проблемы синхронности осуществления преобразований). Именно такая двойственная ограниченность неоклассического анализа вызывает критику в рамках неoinституционализма [см. Zeitlin 2003: 1-30].

Кроме того, следует отметить, что неоклассический подход утверждает, что *все инновации в рамках новой экономики автоматически имеют радикальный характер, а инновации в традиционной индустрии по определению являются постепенными.* Иными словами, определенный тип экономики с неизбежностью ведет к определенному типу инноваций. Согласно данной логике, выпуск слегка подновленной версии Windows представляется радикальной инновацией, так как информационные технологии являются частью новой экономики, а установка на автомобили водородного двигателя является частичной инновацией, так как автомобильная промышленность — это традиционная отрасль экономики. Кроме того, сторонники неоклассического подхода не пытаются оспорить ведущие позиции таких стран, как Финляндия и Швеция (типичные КРЭ) в сфере новых телекоммуникационных технологий, а также позиции всех стран Северной Европы в новых медицинских технологиях [см. Amable 2003: ch. 5]. Более того, есть исследования, показывающие, что именно институциональная структура стран Северной Европы помогает добиваться им высокотехнологичного роста в информационной и коммуникационной сфере, и рост этот как минимум не меньше, чем в англосаксонских странах. Данные обстоятельства полностью упущены из виду сторонниками дуализма и априорного влияния рыночных институциональных структур [подробнее см. Boyer R. 2004a: 1-32; Boyer 2004b].

Неудивительно, что в рамках новой политэкономии *возникло направление, которое отказывается от априорной методологической парадигмы и пытаются определять характер институциональных структур эмпирически* [Ragin 2000]. При этом возникает необходимость отслеживать наличие или отсутствие тех или иных ценностных институций, специфическое сочетание которых порождает уникальную структурную целостность, т.к. в каких-то случаях ценностные характеристики составляют целостный комплекс, в каких-то — встречаются редко, а в каких-то — вообще отсутствуют.

Еще один недостаток дуалистического моделирующего подхода к капитализму состоит в том, что данный анализ по сути дела не схватывает логику работы конкретных фирм, занимающихся инновационной деятельностью. Занимаясь инновационными разработками, любая компания одновременно нуждается в разработке продукции с минимальными нововведениями, чтобы сохранить свои позиции на рынке до тех пор, пока наступит отдача от радикальных новых раз-

работок. Однако согласно дуалистической неоклассической модели подобная стратегия невозможна в странах ЛРЭ, т.к. постепенные инновации здесь ведут к неизбежному аутсайдерству. Таким образом, *парадоксальность ситуации* состоит в том, что *неоклассические исследования в рамках новой политэкономии опирались на пафос отказа от макроэкономического моделирования в пользу исследования конкретных акторов, однако в итоге получилось, что конкретные компании лишены возможности действовать вне рамок национального макроэкономического контекста.*

Еще одним выводом сторонников дуалистической модели современного капитализма является утверждение о принципиально более эффективном корпоративном управлении в странах ЛРЭ по сравнению со странами КРЭ. Причина этого видится в том, что в либеральных рыночных экономиках управленческая власть сосредоточена в руках исполнительного директора, который ориентирован на максимизацию акционерной стоимости компании и нанимает работников для выполнения конкретных заданий, что лишает работников возможности влиять на акционерную стоимость фирмы. Однако *подобный подход игнорирует принципиальное различие между фирмой как организацией и фирмой как рыночным актором.* Некорректно сравнивать преимущество фирмы как рыночного игрока и фирмы как организации. *Это не разный тип фирм, это разный способ их анализа.* Иными словами, проводить подобное сравнение, все равно, что сравнивать красное и сладкое. Трактовка фирмы как организации качественно более высокий уровень анализа по сравнению с чисто рыночным толкованием деятельности фирмы в логике максимизации прибыли.

90

В реальности фирмы крайне разнообразны по типу организационных систем, по регулированию внутренних трудовых отношений, по внутренней корпоративной культуре, поэтому не совсем продуктивно видеть в фирмах только место столкновения рыночных интересов. Компания, которая разрабатывает собственный подход к работе среди своих сотрудников и рассматривает данный подход как свое конкурентное преимущество, не может придерживаться чисто ситуативной (проектной) кадровой политики. Привлечение персонала к процессу достижения корпоративных целей требует определенных взаимных обязательств. Стратегия ситуативного найма в принципе не способна к осуществлению подобной корпоративной политики. Данное фундаментальное различие корпоративных стратегий не является иллюстрацией различий между моделями ЛРЭ и КРЭ. Обе корпоративные стратегии можно отследить как в США, так и в Германии.

Недостаточное внимание к фирме как организации в рамках неоклассической политэкономии можно трактовать *не как методологический изъян, а как результат несовместимости различных "политико-экономических идеологий"*. Поэтому противопоставление фирмы как рыночного игрока и фирмы как организации имеет скорее ценностный идеологический подтекст, нежели отражает реальное типологическое различие в организации коллективной экономической деятельности. В рамках конкретного анализа сторонники неоклассической экономики конечно же признают необходимость иерархического устройства корпораций для решения проблем, которые не могут быть решены в рамках рыночного механизма [Hall, Soskice 2001: 9], но на уровне концептуальных обобщений это признание уже не учитывается. Конечно, в рамках построения идеально-типических конструкций концептуальная логика довлеет над эмпирическим многообразием. Однако иде-

альные типы создаются для построения теоретической гипотезы, которая потом подвергается эмпирической проверке. Неоклассические же типы современного капитализма были выделены вне рамок такого дедуктивного подхода. Создатели моделей ЛРЭ и КРЭ провозглашают свою приверженность первичности эмпирического материала. Последний же уже в обобщенном виде свидетельствует об очевидном преимуществе модели ЛРЭ над КРЭ. Но при более внимательном рассмотрении можно обнаружить, что *механизм отбора и анализа эмпирического материала и сами критерии успеха носят очевидный ценностно-политический оттенок*. Образно говоря, сторонники неоклассической политэкономии заранее были идеологически убеждены в преимуществах рыночной экономики США, что “подтвердили” эмпирическими данными.

Подобная политико-экономическая идеологизированность ведет к тому, что неоклассические сторонники дуалистической картины современного капитализма не видят существенной проблемы в том, что страны, включенные в тип КРЭ, крайне разнообразны по своему политико-экономическому институциональному устройству. Это разнообразие фиксируется, но почему-то в этом не видят теоретической проблемы. Так в рамках КРЭ выделяется Германия как экономика, основанная на “промышленной координации”, и Япония с Южной Кореей как экономики, ориентированные на “групповую координацию” [ibid: 34].

Помимо этого обнаруживается “средиземноморская группа” (Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция и Турция), как страны пост-аграрного развития со значительной ролью государства в вопросах экономической стратегии [ibid: 35]. Однако такая трактовка не видит принципиальной разности влияния государства на экономику, например, во Франции и Греции, что выглядит почти курьезно. Кроме того, “средиземноморская группа” обнаруживает черты как ЛРЭ, так и КРЭ, что позволяет некоторым исследователям рассматривать типы ЛРЭ и КРЭ как теоретические рамки анализа для исследования конкретного положения данных стран. Но другие авторы уверенно относят эти страны к координированным рыночным экономикам [Thelen 2001: 71-103]. Такое разнообразие тем не менее не смущает сторонников дуалистического видения капитализма, для них основной критерий классификации — сходство или отличие того или иного политико-экономического механизма от “рыночного образца” США [см. Soskice 1990: 36-61; Calmfors, Driffill 1988: 13-61].

91

#### НЕДУАЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАПИТАЛИЗМА

Итак, *дуалистическое видение современного капитализма отягощено идеологическими оценочными тенденциями*, поэтому неудивительно, что в рамках новой политэкономии постоянно предпринимаются попытки выделить более чем два типа экономико-политического устройства. Особенно это относится к исследованиям европейских стран. Существует подход, выделяющий три модели европейского капитализма: “рыночную” (очень похожую на ЛРЭ модель), “регулируемую” (со стимулирующей ролью государства, побуждающего экономических акторов к кооперации, что очень близко к КРЭ) и государственную (вмешательство государства в экономику по типу Франции) [одна из лучших работ: Schmidt 2002]. Последняя модель, впрочем, выделяется во многом как исторический прецедент, который имел место во Франции со времен Ш. де Голля, но на сегодня отошел в прошлое. Эта модель во многом является указанием на потенциал государственного

вмешательства в рыночную экономику, который может быть актуализирован при определенном стечении обстоятельств. При этом, если брать не общегосударственный, а отраслевой масштаб анализа, то данная модель вполне адекватно может описать роль государства в США в отношении ВПК.

Три данные модели капитализма различаются не только структурно, они проявляют различную “чувствительность” к переменам, вызванным процессами глобализации и европеизации [ibid: ch. 2]. Это позволяет сделать предположение, что *развитие европейских моделей капитализма вряд ли пойдет по пути простой конвергенции*. Даже в условиях очевидного сближения и унификации различные европейские правительства находят разные способы адаптации к новым условиям. Если и можно выделить какую-то общую тенденцию для развития политико-экономической ситуации в Европе, то это смягчение характерных черт той или иной модели развития через заимствование элементов из других моделей. На пути подобной диверсификации возможно появление интересных парадоксов: в Великобритании, где модель экономики крайне неустойчива, правительство во многом было вынуждено смириться с давлением глобализации. И как результат, на данный момент Великобритания лучше подготовлена к глобализационным тенденциям, чем Германия, которая благодаря силе своей экономики могла долгое время сдерживать “натиск” глобализации.

Помимо этого необходимо отметить, что при выделении трех типов европейского капитализма, следует уделять принципиальное внимание значению политических дискурсов, которые способствуют формированию определенных представлений того или иного общества по поводу приспособления к меняющемуся миру вообще и к экономической ситуации в частности. С этой точки зрения в Европе можно выделить “коммуникативную” и “координирующую” формы дискурса. Первая характерна для более централизованных систем управления (например, Великобритании и Франции), которые нацелены на информирование граждан о том, что нужно делать. Вторая типична для Германии, где основное внимание уделяется достижению консенсуса между мощными акторами, которых не удастся удержать под центральным правительственным контролем. Все это предполагает значительную вариативность и недетерминированность действий ключевых акторов (особенно политических), что очевидно идет в разрез с работами теории рационального выбора, посвященными вопросам интернациональной политической экономии. В последних наблюдается довольно необычная тенденция деполитизированного изучения политики, пытающегося смоделировать различные национальные интересы простым фиксированием устойчивых предпочтений. Однако подобный подход совершенно не может объяснить, почему, например, Великобритания быстрее всех воспринимала инициативы по поводу единого европейского рынка и медленнее всех откликнулась на процесс внедрение единой европейской валюты. Эти процессы поддаются исчерпывающему объяснению, но последнее касается тактических и исторических особенностей в поведении ключевых политических акторов, что выходит за методологические рамки теории рационального выбора.

Еще одной крайне распространенной типологизацией моделей современного капитализма является *выделение различных форм государства всеобщего благоденствия*. Однако и здесь господствует сочетание географических и культурных элементов. Так либеральная модель *welfare state* ассоциируется с англофонны-

ми странами, консервативная “континентальная европейская” модель за отправную точку берет Германию, а социал-демократический тип прочно ассоциируется со Скандинавией [Esping-Andersen 1990]. Однако в последнее время стали очевидными особенности четвертого типа, характерные для стран Южной Европы, где большую роль играет семья, а также другие неформальные институты. Кроме того, особая политика в сфере занятости, препятствующая раннему выходу людей на пенсию, выделяет Японию как особый (уже пятый) тип государства всеобщего благоденствия [см. Castles, Mitchell 1991; Daly 2002: 467-510; Ebbinghaus 2001: 76-101].

Еще одной методологической матрицей для построения моделей современного капитализма является *социологический анализ бизнес-систем* [Whitley 1999]. Различные типы подобных систем (фрагментированные, индустриально районированные, информационно изолированные, государственно организованные, совместные и высоко координированные) связаны с определенными поведенческими характеристиками [ibid: 42]. На этом основании можно выделить пять идеальных типов фирм (оппортунистические, производительные, изолированно иерархические, совместно иерархические, объединено иерархические) [ibid: 75]. Различные способы взаимодействия между этими типами накладываются на фундаментальный институциональный контекст (государственная финансовая система, квалификация государственного управления) [ibid: 84]. Чаще всего к такому социологическому анализу прибегают при анализе дальневосточных стран (Япония, Корея, Тайвань и т.д.), поэтому данные исследования свободны от идеологической ангажированности неолиберальных (и противоположных последним) ценностных акцентов.

93

Подобный подход особенно наглядно демонстрирует, что сочетание различных институциональных форм и поведенческих установок формирует пеструю картину политико-экономической жизни, не сводимой к очевидным моделям. В рамках одной национальной экономики могут находиться сектора, ориентированные как рыночно, так и корпоративно, а роль государственного вмешательства также может варьироваться очень сильно в зависимости от сферы экономической деятельности. Кроме того, различные страны могут как создавать уникальные механизмы регулирования экономики, так и заимствовать институциональные образцы других государств. Все это говорит о том, что *современный капитализм подвержен мощному процессу “гибридизации” (но не унификации)* [Ferreira, Hemeijck, Rhodes 2000; Hemeijck, Schludi 2001: 125-228]. Подобное обстоятельство делает попытки выделения очевидных моделей современного капитализма, привязанных к определенным странам и регионам, достаточно проблематичными.

#### **РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИЗМЕ**

В большинстве моделей современного капитализма отправным пунктом классификации служат национальные государства. Однако в современном мире этот подход не выглядит очевидным, хотя для неoinституционализма именно государство является отправной точкой отсчета “социальной системы инноваций и производства” [Amable 2000]. В качестве аргумента выдвигается на первый взгляд бесспорное суждение о том, что государство является основным источником права и ассоциативной активности [см. Crouch 2001: 195-213]. Однако не следует забывать, что ассоциации и сообщества (в том числе и рыноч-

ные) как правило существуют не на национальном, а на более низком, уровне. И во многих исследованиях, посвященных региональным особенностям общественного и экономического развития, это положение фиксируется, но только для того, чтобы подчеркнуть решающее значение государства как центральной инстанции социально-экономического развития [см. напр. Watkins 1991; Rodriguez-Pose 1998].

Следует предположить, что большинство макроэкономических исследований в рамках нео-институционализма проявляют такое пристрастие к национально-государственному уровню анализа руководствуясь не столько экономической, сколько социально-политической логикой, так как большинство дискуссий о характере экономики и путях дальнейшего социально-экономического развития ведутся именно на уровне национальных государств. Некоторые исследователи даже высказывают предположение, что призыв “вернуть государство обратно”, ставший основным лозунгом неоинституционализма, был вызван *интересами лево-центристских политических сил, стремившихся преувеличить значение национальной политики для спасения завоеваний государства всеобщего благоденствия* [см. Radice 2000: 719-742]. Впрочем, вряд ли следует отрицать эвристическую способность неоинституционализма, создавшего модель дискретных автономных структур, каждая из которых обладает уникальным набором институтов, как органической целостностью, не сводимой к простой сумме частей. Такое органическое разнообразие боится от упрощенной трактовки унифицирующей глобализации, принижающей значение национально-государственных различий.

Однако констатация различий между государствами не означает, что государства являются сущностью этих различий по определению. Необоснованность такого допущения особенно заметна на уровне транснациональных корпораций. Подобные фирмы черпают свои ресурсы из многих национальных источников, поэтому данные образования трудно (а по большому счету невозможно) идентифицировать с какой-то определенной национально-государственной институциональной конструкцией. Это ведет к тому, что попытки выстраивать национальные модели капитализма делают последние институционально неполными. Подобной “некомплектности” способствует и то, что даже корпорации, не выходящие за рамки национальных государств, зачастую черпают управленческие навыки вне формально обозначенного государственного пространства. Особенно это относится к технологиям внедрения инноваций. Можно сказать, что *попытки создать ту или иную национально-государственную модель освоения инноваций являются “наивным меркантилизмом”*, так как инновации воспринимаются не только публичными, но и частными акторами, которые не связаны жесткими государственными обязательствами и способствуют глобализации инновационного процесса, неизбежно выводя его за национальные рамки [см. Radice 1998: 263-291].

Кроме того, немаловажным обстоятельством является то, что рассмотрение государств как равноценных феноменов и потому основополагающих элементов институционального анализа является допущением, продиктованным *соображениями политической корректности, требующей безусловного признания каждого государственного суверенитета как равноценного во всех случаях*. Однако если государственные суверенитеты Португалии и Франции равны с правовой точки зрения, это не значит, что экономические системы этих стран столь же равнозначны и не нахо-

дятся в определенной иерархической зависимости. В последнем случае более адекватным может оказаться подход Валлерстайна, представляющего мир как иерархическую систему, а не сумму уникальных феноменов.

#### **КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА МЕЖДУ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ**

Если посмотреть на то, каким образом в рамках новой политэкономии выстраиваются модели современного капитализма, то обнаруживается довольно любопытное обстоятельство. Распространенной является точка зрения о том, что США представляют собой наиболее чистый тип “рыночного” государства благоденствия. При этом признается, что 80% расходов на социальные нужды осуществляется там по корпоративным схемам социального страхования, которые имеют мало общего с рыночной моделью [Goodin, Headey, Muffels, Dirven 1999]. Однако на основании того, что в других развитых западных странах влияние корпоративных схем еще больше, делается утверждение о том, что вполне оправданно и допустимо рассматривать США как парадигму “чистой” рыночной модели. Думается, логичнее было бы предположить, что столь широкое влияние корпоративных схем социального страхования создает такую модель государства благоденствия, которая качественно отличается от реальной рыночной, если бы таковая существовала в действительности.

Рассматривая различные варианты построения моделей современного капитализма, мы сталкиваемся с *двумя классическими способами систематизации и концептуализации информации и научного знания: индуктивным и дедуктивным.*

При дедуктивном подходе вначале выстраивается теоретическая конструкция той или иной модели капитализма, через призму которой потом анализируется эмпирический материал. Все, что не укладывается в данную конструкцию, зачастую объявляется “эмпирическим шумом”, который можно игнорировать, если обозначается господствующая тенденция [Hollingsworth 1997: 268]. Однако данное утверждение по сути дела превращает теоретическую гипотезу в априорное методологическое утверждение, поэтому нахождение доминирующей тенденции провозглашается в качестве обнаружения той или иной модели капитализма. И в данном случае игнорируется то обстоятельство, что институциональные формы, оставшиеся в “меньшинстве” могут оказывать качественное влияние на “большинство” институциональных правил игры.

Индуктивный подход, на первый взгляд, выглядит более корректным, так как требует первичного анализа эмпирического материала, который потом складывается (или не складывается) в определенную целостную модель капитализма. Однако здесь мы сталкиваемся с ограниченностью самого аналитического инструментария. Мы не можем сказать, что политико-экономическая модель США на X процентов является рыночной, на Y процентов поддерживается государством и на Z процентов зависит от динамических эффектов иммиграционных процессов. Мы можем только констатировать, что иммиграционные процессы оказывают “существенное влияние” на американскую инновационную экономику. Но последнее утверждение является скорее публицистическим, нежели научным.

Дедуктивный способ обобщения наиболее адекватен при рассмотрении ограниченного числа случаев (в идеале: одна страна – одна модель). Но в этом случае данные модели не могут претендовать на универсальность, что обесценива-

ет само построение моделей. Индуктивный способ позволяет охватить большее число случаев, но его способности к обобщению эмпирического материала и построению цельных моделей капитализма крайне ограничены. По большому счету, индуктивный анализ констатирует многообразие форм современного капитализма, но не способствует выделению моделей последнего. С точки зрения “чистой” научности последний подход представляется более корректным, так как фиксирует реальные взаимодействия экзогенных экономических и политических институтов. Однако *дедуктивный метод моделирования точнее улавливает “нуль” политических институтов как таковых, которые зачастую пытаются представить желаемое состояние экономических правил игры за реальное положение дел, что, безусловно, оказывает влияние на реальность.*

Albert M. 1991. *Capitalisme contre capitalism*. Seuil.

Amable B. 2000. Institutional Complementarity and Diversity of Social Systems of Innovation and Production. — *Review of International Political Economy*, vol. 7, № 4.

Amable B. 2003. *The Diversity of Modern Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

Boyer R. 2004a. New Growth Regimes, but still Institutional Diversity. — *Socio-Economic Review*, vol. 2, № 1.

Boyer R. 2004b. *The Future of Economic Growth: As New Becomes Old*. N.Y.: Edward Elgar.

*Bringing the state back in* (ed. by Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T.). 1985. Cambridge: Cambridge University Press.

Calmfors L., Driffill J. 1988. Bargaining Structure, Corporatism and Macroeconomic Performance. — *Economic Policy*, vol. 3, № 1.

Campbell J.L., Pedersen O.K. 2001. The second movement in institutional analysis. — *The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis* (ed. by Campbell J.L. and Pedersen O.K.). Princeton: Princeton University Press.

Castles F.G., Mitchell D. 1991. Three Worlds of Welfare Capitalism or Four? — *Working Paper, Luxembourg Income Study*, № 63.

Coates D. 2000. *Models of Capitalism: Growth and Stagnation in the Modern Era*. N.Y.: Polity.

*Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions* (ed. by Hollingsworth R., Boyer R.). 1997. Cambridge: Cambridge University Press.

Crouch C. 2001. Breaking Open Black Boxes: the Implications for Sociological Theory of European Integration. — *From the Nation State to Europe? Essays in Honour of Jack Hayward* (ed. by Menon A., Wright V.). Oxford: Oxford University Press.

Daly M. 2002. A Fine Balance: Women’s Labour Market Participation in International Comparison. — *Welfare and Work in the Open Economy*, vol. 11: Diverse Responses to Common Challenges (ed. by Scharpf F., Schmidt V.). Oxford: Oxford University Press.

Ebbinghaus B. 2001. When Labour and Capital Collude: the Political Economy of Early Retirement in Europe, Japan and the USA. — *Comparing Welfare Capitalism: Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA* (ed. by Ebbinghaus B. and Manow P.). L. and N.Y.: Routledge.

Esping-Andersen G. 1990. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. N.Y.: Polity.

Estevez-Abe M., Iversen T., Soskice D. 2001. Social Protection and the Formation of Skills: a Reinterpretation of the Welfare State. — *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* (ed. by Hall P.A., Soskice D.). 2001. Oxford: Oxford University Press.

Ferrera M., Hemerijck A., Rhodes M. 2000. *The Future of Social Europe: Recasting Work and Welfare in the New Economy*. Lisbon.

Goodin R., Headey B., Muffels R., Dirven H.-J. 1999. *The Real Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hall P. and Soskice D. 2001. Introduction. — *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* (ed. by Hall P.A., Soskice D.). 2001. Oxford: Oxford University Press.



---

Hemerijck A., Schludi M. 2001. Sequences of policy failures and effective policy responses. — *Welfare and Work in the Open Economy. Volume I: From Vulnerability to Competitiveness* (Scharpf F., Schmidt V.). Oxford: Oxford University Press.

Hollingsworth J.R. Continuities and Changes in Social Systems of Production: the Cases of Japan, Germany, and the United States. — *Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions* (ed. by Hollingsworth R., Boyer R.). 1997. Cambridge: Cambridge University Press.

King D., Wood S. 1999. The Political Economy of Neoliberalism: Britain and the United States in the 1980s. — *Continuity and Change in Contemporary Capitalism* (ed. by Kitschelt H., Lange P., Marks G., Stephens J.). Cambridge: Cambridge University Press.

Kjær P., Pedersen O. 2001. Translating Liberalization: Neoliberalism in the Danish Negotiated Economy. — *The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis* (ed. by Campbell J.L., Pedersen O.K.). Princeton: Princeton University Press.

*Organisation for Economic Cooperation and Development. The Jobs Study.* 1994. OECD.

Radice H. 2000. Globalization and National Capitalisms: Theorizing Convergence and Differentiation. — *Review of International Political Economy*, vol. 7, № 4.

Radice H. 1998. «Globalization» and National Differences. — *Competition and Change*, vol. 3, № 3.

Ragin C. 2000. *Fuzzy-set Social Science*. Chicago: University of Chicago Press.

Rodriguez-Pose A. 1998. *Dynamics of Regional Growth in Europe: Social and Political Factors*. Oxford: Oxford University Press.

Schmidt V. 2002. *The Futures of European Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

Shonfield A. 1964. *Modern Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

Soskice D. 1990. Wage Determination: The Changing Role of Institutions in Advanced Industrialized Countries. — *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 6, № 4.

Thelen K. 2001. Varieties of Labor Politics in the Developed Democracies. — *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* (ed. by Hall P.A., Soskice D.) Oxford: Oxford University Press.

*Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* (ed. by Hall P.A., Soskice D.). 2001. Oxford: Oxford University Press.

Watkins S.C. 1991. *From Provinces into Nations. Demographic Integration in Western Europe 1870-1960*. Princeton: Princeton University Press.

Whitley R. 1999. *Divergent Capitalisms*. Oxford: Oxford University Press.

Zeitlin J. 2003. Introduction: Governing Work and Welfare in a New Economy: European and American experiments. — *Governing Work and Welfare in a New Economy. European and American Experiments* (ed. by Zeitlin J. and Trubek D.). Oxford: Oxford University Press.